

радуга

для друга

МИХАИЛ

САМАРСКИЙ

ФОРМУЛА ДОБРА

Приключения необычной собаки

Радуга для друга

Михаил Самарский

**Формула добра. Приключения
необычной собаки**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

Самарский М. А.

Формула добра. Приключения необычной собаки /
М. А. Самарский — «Издательство АСТ», 2020 — (Радуга для
друга)

ISBN 978-5-17-134638-6

Если ты собака-поводырь, то привередничать на работе тебе не к лицу. Вот и лабрадор Трисон поступил на службу к весьма необычной подопечной. Со слепой старушкой не побегаешь, не поиграешь, но он отлично справлялся со своей задачей, несмотря ни на что. Правда, скоро все изменилось, судьба преподнесла сюрприз. И верный помощник попал к совсем другим хозяевам. Поводырь стал... охранником! Казалось, быть на страже в детском садике – легче легкого, пока там не произошло страшное событие. Однако Трисон не простой пес, поэтому даже в критической ситуации смог показать себя с лучшей стороны!

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-134638-6

© Самарский М. А., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Вместо пролога	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Михаил Самарский

Формула добра. Приключения необычной собаки

*Собака так преданна, что даже не веришь в то, что человек
заслуживает такой любви.*

И. Ильф

© Михаил Самарский, 2020

© Анна Гайворонская, иллюстрация, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Вместо пролога

Ав-ав, дорогие мои человеки, в смысле здравствуйте! Узнаёте? Давненько мы с вами не виделись. Соскучился – не то слово! Приветствую и новых друзей! Если вы ещё не читали мою первую книгу «Радуга для друга», позвольте представиться: лабрадор Трисон! Окончил специальную школу по подготовке собак-поводырей. Наверняка вы слышали о таких. Мы помогаем слепым людям. Правда, не все знают, как проходит обучение, как мы работаем, что умеем делать и вообще на что способны.

Сразу скажу: работа эта не из простых, наша основная задача – преданно и беззаветно служить человеку. В своей первой книге я рассказал, как трудился у ветерана Ивана Савельевича (Царство ему небесное), потом у незрячего подростка Сашки. Знаете, наверное, в это трудно поверить, но однажды я даже подарил ему самую настоящую радугу. Да-да, вот как бывает. Кстати, у нас, поводырей, не принято называть людей, с которыми мы работаем, своими хозяевами. Мы зовём их подопечными. И вы потом поймёте почему.

Не всё в нашей работе проходит гладко, поэтому поводырь в критической ситуации должен уметь быть и спасателем, и защитником, и даже... Впрочем, не стану вдаваться в подробности. Если вам интересно, прочитайте первую книгу. Ох, и намыкался я там! А сейчас хочу поведать вам о моих новых приключениях. Забегая вперёд, скажу лишь одно: этой книги могло бы и не быть, потому что я несколько раз оказывался на волоске от гибели. Но, слава богу, всё обошлось. Как говорится, мир не только не без добрых собак, но и не без добрых людей. Не судите меня строго, люблю я ваши человеческие поговорки переделать на собачий лад.

В конце концов пораскинул я тут мозгами и решил: наверняка вам будет интересно, что же произошло дальше. А то мы расстались внезапно – мне как-то даже неловко.

На пенсию, согласитесь, мне рановато – ещё работать и работать. Не зря ведь меня столько времени обучали в специальной школе. Не знаю, как у вас с этим делом, а у нас такими кадрами не разбрасываются. Поводыря в сторожа никто не отправит (хотя, признаюсь, бывало и такое – я обо всём расскажу). Такие специалисты, как я, – на вес золота. Пока есть нюх, зрение, силы и, конечно, образование, буду трудиться поводырём.

Но не буду себя нахваливать, а то меня после первой книги и так хвастуном обозвали. Но, поверьте, я для вас, людей, стараюсь, поэтому подробно и рассказываю о себе и своих способностях. Признайтесь, ведь до нашего знакомства многие из вас даже не представляли, что такое собака-поводырь и как она работает. Это, между прочим, не я придумал. Мне об этом сами читатели рассказали. Серьёзно говорю.

Однажды я даже на презентации книги побывал! Меня туда пригласили, после того как повесть «Радуга для друга» вышла в свет. Да-да, честное слово. Один инвалид согласился проехаться с нами на экскурсию. Он ещё не решил, будет брать поводыря или нет, просто хотел попробовать, что это такое и с чем нас едят. С нами отправили и моего инструктора Лену. Я выступал (не поверите!) прямо в книжном магазине: показывал зрителям своё мастерство. Не стану скрывать, волновался жутко. Это вам не шуточки – можно сказать, настоящим артистом стал! Вышел на сцену, глянул в зал и обомлел. Ну, думаю, теперь не опозориться бы. Но всё прошло отлично.

Так вот, на том мероприятии один фотограф подходит к моему инструктору, гладит меня по голове, чешет за ухом и говорит:

– Спасибо вам, что с Трисоном приехали, а то я сорок лет прожил и никогда вживую собаку-поводыря не видел.

Ух и горд же я был в тот момент!

Но приступим к делу. Вы не представляете, сколько у меня накопилось историй с тех пор, как мы расстались – и хороших, и плохих, и ужасных. Даже не знаю, уложусь ли в одну

книгу. Давайте договоримся так: я начну рассказ, а там посмотрим, что выйдет – повесть ли или роман... а может, целая собачья эпопея «Война и мир».

Глава 1

У собак, как и у людей, жизненный опыт растёт с каждым новым знакомством. Ой, только не дай бог вам таких знакомств, с которыми мне довелось столкнуться: как вспомню, так вздрогну.

Сначала всё шло хорошо. После Сашкиного прозрения тунеядствовал я недолго. Через месяц с небольшим передали меня слепой женщине-писателю. Там, конечно, жилось славно. Какой я всё-таки наивный пёс: думал, буду здесь трудиться до последнего вздоха. Да не тут-то было: распрощались мы с новой подопечной внезапно. Так сложились обстоятельства. А дальше... Впрочем, не буду забегать вперёд.

Хотя Анна Игоревна Кривошеева моей подопечной была непродолжительное время, расстались мы с ней большими друзьями. Просто теперь она живёт за границей. Предупреждаю: если встретите эту замечательную женщину, не вздумайте называть её писательницей – жутко обижается. Она считает, что такого слова в человеческом языке вообще не существует. Ну, не нам, собакам, рассуждать на подобные темы. Нет так нет. Это всё мелочи. Да, кстати, Анной Игоревной её никто в доме не называл. Официальное имя было глубоко упрятано в бумагах, письмах и всяких там документах. В жизни эту очаровательную женщину все звали либо Аннушкой, либо Анютой, иногда просто Анной.

До чего же она красива! Мне кажется, даже немного похожа на меня золотистыми волосами. А ещё у неё поразительно красивые губы, высокий лоб, строгий прямой нос и тончайшие пальцы. Вся такая хрупкая, нежная, лёгкая, прямо какая-то воздушная. Почему-то многие принимают её за балерину. Я, конечно, по театрам не хожу, живых балерин не видел, но по телевизору как-то смотрел. Нет, никакая она не балерина. Те, конечно, тоже красивые, но слишком прыгучие, а Анна Игоревна женщина спокойная и тихая. Плавная. Думаю, если бы какой-либо талантливый художник написал с неё портрет, то через некоторое время Лувр поставил его на место Джоконды. Без всяких сомнений.

Вы вообще видели эту Джоконду? В кабинете Анны Игоревны висела репродукция. Не знаю, что в ней люди нашли такого потрясающего? Хитрая она какая-то. Так смотрит, что мне даже иногда неуютно становилось. Кажется, ещё мгновение, и раскомандуется: «Ко мне!», «Сидеть!», «Апорт!»... Но самое любопытное, в какой бы угол кабинета я ни забрался, она всё время наблюдала за мной и смотрела мне в глаза. Вот так портретик. Хотя Анна Игоревна убивалась, что уже никогда не увидит оригинал, мечта её так и не сбылась. Нашла о ком жалеть. Ну да ладно, бог с ней, с Джокондой. Не о ней речь.

Когда мы с Аннушкой гуляли в парке, меня прямо распирало от гордости за неё. Я не встретил ни одного мужчины, который, проходя мимо нас, не обернулся и не посмотрел бы нам вслед. Иными словами, удивительная женщина! Первое время мы гуляли только вблизи дома. Но с каждым днём уходили всё дальше и дальше. Анна Игоревна осмелела до такой степени, что мы даже стали с ней ездить на трамвае в другой микрорайон. И всё это без посторонней помощи. Для незрячего человека, между прочим, большое событие, свобода.

Если бы вы знали, как я в то время жил! Ой-ой-ой! Обзавидовались бы. Даже затрудняюсь описать. Давайте по-другому поступим. Помните Ивана Савельевича, Сашку, их друзей и родственников? Так вот, если бы Иван Савельевич рассказывал о моей жизни в писательском доме, сказал бы: «Живёт Трисон как кум королю и сват министру». Сашка просто произнёс бы: «Круто, Триша!» Бабушка его, Елизавета Максимовна, наверное, перекрестилась бы и прошептала: «Боже мой! Как сыр в масле катается!» Мама... тут я даже не знаю. Она, скорее всего, тоже сказала бы: «Не жизнь, а малина!»

Иными словами, устроился я неплохо. Семья была просто изумительная. Жили мы вчетвером в загородном доме. Я, мама, папа (Константин Александрович) и их дочь Маша. Ей в

ту пору исполнилось всего десять лет, но такая, скажу вам, шустрая девочка. Отец называл почему-то её егзой. Не знаю, что за слово такое, но Маша не обижалась. Значит, хорошее слово. Маша – копия Анны Игоревны. По ней я мог судить, какой та была в детстве.

Мы с Машей подружились с первого дня. Вы знаете, я люблю детей. Маша меня купала, вычёсывала и всегда норовила кусочек чего-нибудь вкусенького подсунуть. Я сначала отказывался, отворачивался – у меня же инструкция: нельзя ничего, кроме корма, есть. Но потом, чтобы не обижать девочку, стал по чутьчке принимать от неё подарки. Я вспомнил: в инструкции ведь сказано, что нельзя брать корм из чужих рук. А какая же мне Машка чужая? Она была мне как сестра. Мы с ней даже в футбол гоняли вместе. Я ещё расскажу вам о ней. Думаю, Маша будет певицей, когда вырастет. Вы бы слышали, как она поёт в караоке. Семья любила по вечерам попеть в микрофон. И даже я им подпевал. Ну или подвывал. Из меня, конечно, певец никудышный, но моим сородичам нравилось, когда я участвовал в их хоре. После концерта они меня всегда угощали чем-нибудь вкусеньким – то котлетку дадут, то косточку, то конфетку.

Ой-ой-ой! Ну надо же! Чуть ещё об одном члене семьи не забыл. Не вчетвером мы жили, а впятером. Было там ещё одно чудо-юдо: Кисуля. Только не подумайте, что я так ласково кошечку называю. Нет, это у неё кличка такая. Говорят, когда она появилась в доме (это было задолго до меня), её называли иначе – то ли Муся, то ли Дуся, – но с чьей-то лёгкой руки все стали называть её просто Кисулей. Ох уж эта Кисуля! И откуда они такие на мою голову берутся. Нет, жили мы с ней мирно. Но какой же она бывала занудой.

Вот представьте такую ситуацию. Прихожу с прогулки, перекусил, водички полакал и на боковую. Мне всегда нужно спать чуть больше, чем обычным собакам, – я, даже когда сплю, остаюсь на работе. И вот тут начиналось. Нашей Кисуле делать-то нечего. Скучно ей, хочется поиграть. Ну, возьми свою мышку пластмассовую или мячик и играй себе на здоровье. Так нет же. Только я усну, она тут как тут. То за хвост меня лапой потрогает, то ухо моё ей покоя не даёт. То мимо меня проходит так, чтобы своим хвостом непременно нос зацепить. Вот это мне больше всего не нравилось. Обычно после такой пакости я громко чихал. Несколько раз даже Аннушку своим чихом напугал. Она смеётся и говорит мне:

– Будь здоров, Трисончик!

– Ав, – отвечаю.

А Анна Игоревна-то не видит, что её Кисуля вытворяет, и, наверное, думает, что это я её благодарю. Улыбается и говорит:

– Пожалуйста, мой дорогой.

Приятно, конечно, когда с тобой так вежливо разговаривают, а с другой стороны, что я мог поделаться? Снова лапами глаза прикрою и засыпаю. А Кисуле опять неймётся. Иногда она такое вытворяла, хоть волком вой. Возьмёт, прямо на меня залезет и лежит мурлыкает. Тоже мне, наездница. Но я в такие моменты уже и не сгонял её. Думаю, лежи, сволочь, только нос не щекочи. Бывало, так и спали вместе. А что делать? Не кусать же её в самом деле. Вроде как своя. Но и это по большому счёту мелочи. Я чуть позже расскажу вам о специальных кошках. Те зеленоглазки – не чета нашей Кисуле. Там всё гораздо сложнее.

Несмотря на все это, у Кривошеевых было замечательно: прекрасный корм, приятные, как называл их Иван Савельевич, мыльно-рыльные принадлежности. Представляете, у меня в кабинете даже был собственный диван. Да-да! С подушечкой и одеяльцем. В кабинете мне было очень хорошо – Кисуля оставалась за дверью. Её сюда не пускали. Она подмочила свою репутацию. Залезла однажды на письменный стол и разбросала по всей комнате бумаги. Да ладно бы просто бумаги разбросала, так она ещё и все салфетки изодрала в клочья, превратив кабинет в какой-то осенний сад – повсюду валялись жёлто-оранжевые лепестки. Не кошка, а вредитель какой-то.

Так вот, моя подопечная трудилась за столом, а я лежал себе на диване, балдел и слушал её новые романы. Аннушка могла работать и за специальным компьютером для незрячих, но в

основном начитывала главы на диктофон, а Константин Александрович или Маша потом всё это набирали. Затем Константин Александрович редактировал и частенько критиковал Анну Игоревну. Иногда так заспорят, так заспорят, что я думал: ну всё – на веки вечные поругались.

Нет, слышу утром, Анна Игоревна говорит:

– Костюшенька, я подумала. Эпизод с морем действительно нужно переделать. Банально звучит. Ты прав...

– Да я не настаиваю, Аннушка, – отвечает Константин Александрович, – смотри сама, тебе виднее.

Хм! Вы слышали? Он не настаивает. С ума сойти. Вчера ещё говорил супруге, что ничего более бездарного в своей жизни не читал. А теперь не настаивает. Сдохнуть можно от этих людей! Хотя, откровенно говоря, я уже перестал удивляться подобным метаморфозам. Вы знаете, у творческих людей (а муж Аннушки не только редактор, но ещё и поэт) семь пятниц на неделе. Иногда сидят весь вечер, читают друг другу стихи, рассказы и даже сказки. Восторгаются, смеются, иногда плачут. А на следующий день всё летит к...

...эх, аж скулы свело. Не понимаю я этих выражений. Как вы думаете, куда всё летело? Всё верно: конечно, к чертям собачьим. Вот объясните мне, что это означает? Ну при чём тут собаки и черти? Это ж надо было такое придумать! А ещё есть выражение похлеще – оно меня едва ли не с лап сшибает. «Чушь собачья». Слышали такое? Хоть убейте меня, не могу сообразить, что это за чушь такая.

Вот вы всё время говорите, что собака – друг человека. Любите своих тузиков, барсиков, рексиков, капочек, пипочек. А что ни слово, то оскорбление собак. Не замечали? У вас даже если жизнь не складывается, говорите: «Эх, жизнь собачья настала».

Ну, например, как я жил у Анны Игоревны, так мне и некоторые люди могут позавидовать. Нормальная собачья жизнь. А вот как я теперь живу, извините, и собачьей жизнью не назовёшь.

Глава 2

Из писательского дома я попал... даже слова не могу подобрать. Бог его знает куда. Ну, конечно, не сразу к новой подопечной, а, как обычно, через школу. У нас ведь как: вернули – забрали, вернули – забрали...

Последний раз забрали меня так забрали. Ох и натерпелся я! Конечно, чтобы не портить вам настроение, можно было бы рассказать только о своей жизни у Кривошеевых. Тем более есть о чём. И сами хозяева – начитанные люди, я слушал их с удовольствием, и гости бывали интересные. Вообще я там, конечно, свой кругозор расширил основательно. Но не могу же я выбросить из собачьей биографии одну из своих подопечных. Хорошо ли, плохо ли, но нужно говорить правду. А может, и вам она когда-нибудь пригодится.

Признаюсь, я даже плакал по ночам. Тихонько, по-собачьи, без слёз. Поскулю, можно сказать, мысленно и засыпаю. А часто бывало и не до сна. Жил как на вулкане. Серьёзно. В любой момент могло что-то случиться. Вот тогда-то я и начал понимать истинный смысл выражения «жизнь собачья». Ну да ладно, не буду плакаться. Чего уж там. Как говорил мой самый первый подопечный Иван Савельевич, от судьбы не уйдёшь. Не всем же сутками на диване валяться да в собачьих бассейнах плавать. Значит, так надо было. Жизнь, пусть даже и собачья, испытывала меня. Но скажу честно: я достойно прошёл все испытания и работу свою (да и не свою тоже) всегда выполнял на максимально высокую оценку.

Однажды Константин Александрович зачитывал письмо, пришедшее Аннушке по электронной почте. И там были такие слова: «Вся наша жизнь – это радуга. Она многоцветна. Один цвет, отрицая другой, выходит из предыдущего и переходит в последующий. Так и в жизни. Есть цвета, а есть – оттенки. Любой цвет – лишь часть белого, который делится на всё многообразие радуги. Нельзя поддаваться соблазну и окрашивать происходящее в один цвет. Сложности человеку на то и даны, чтобы потом ярче почувствовать радость. Горе на то и бывает, чтоб ярче оттенить счастье. Всё в жизни меняется и исправляется». Казалось бы, речь в письме шла о людях, но, думаю, и нам, собакам, сложности даются неслучайно. Какая всё-таки замечательная штука – эта радуга! Видимо, не зря мой Сашка ею бредил. С помощью неё можно многое в жизни объяснить.

В общем, приехала однажды за мной Полина Фотеевна Ивахник. На вид старушка-одуванчик. Такая вежливая, внимательная, добрая. Инструктора слушала с открытым ртом, улыбалась, меня всё наглаживала, даже в нос целовала. Правда, я сразу заподозрил что-то неладное. С ней частенько под руку расхаживал какой-то дедулька. Полина Фотеевна называла его Миронычем, но всем говорила, что это её брат. Хотя я сразу догадался, что он ей такой же брат, как мне двоюродный дедушка.

Не понравился мне этот Мироныч с первого дня. Он частенько куда-то исчезал, а вечером, после его возвращения, Полина Фотеевна становилась веселее, румянее и разговорчивее. Да и запах от неё тянулся не совсем для собаки приятный. Чмокнет меня в нос, а у меня потом полчаса диковинные птицы и фиолетовые звёздочки перед глазами летают. Иными словами, как вы уже догадались, старушка моя выпивала, да не лимонад или квас, а кое-что покрепче. Но, думаю, что поделаешь – у каждого человека ведь свои причуды. Один попивает, другой покуривает, третий... в общем, и в этом случае не нам, собакам, рассуждать о том, что люди делают правильно, а что – нет. Главное, чтобы за нами присматривали да не обижали. Всё остальное на их совести.

Мы-то, ясное дело, помогали вам, помогаем и будем помогать. Помните, я рассказывал в первой книге о негласном договоре ещё на заре цивилизации между собакой и человеком? Мы тот договор по сей день блюдём свято и неукоснительно.

Эх, если бы и человек так же относился к своим обязанностям! Вы представляете, Полина Фотеевна иногда даже шлейку забывала с меня снимать. Так и спал со своими поводырскими прибабасами. Я уж пасть не раскрываю по поводу вычёсывания, купания, кормления.

Наше знакомство с Миронычем не закончилось в школе. После того как мы переехали в квартиру к моей подопечной, он и туда захаживал. Хитрый такой старичок. Как я потом догадался (вернее, вычислил), Мироныч появлялся у нас дома аккуратно после получения моей старушкой очередной пенсии.

Меня это, конечно, очень напрягало. Ну, сами подумайте: во-первых, не нравились все эти, как бы помягче выразиться, дурманящие запахи, а во-вторых, старики часто забывали о том, что мне необходимо хотя бы два-три раза в день выйти на улицу. Не до меня им было. Ну и, в-третьих, я видел, что Мироныч откровенно обманывает старушку. Как только деньги заканчивались, старик исчезал – то ему нужно в деревню к родственникам поехать, то он приболел, то дома по хозяйству занят.

Иными словами, не жизнь у меня наступила, а кошмар какой-то. С моей подопечной, я, например, мог целый день провести в пивнушке. Дружки Полины Фотеевны гладят меня своими грязными руками, треплют за уши, причём частенько не соизмеряя свои силы. Могли на голову и пиво разлить, и селёдку уронить. Впрочем, это полбеда. Однажды один бугай чуть лапу мне не отдал. Так было больно, что я не сдержался и громко рявкнул. Вообще признаюсь: я там только и рявкал. Почти совсем забыл свои (вернее, Санькины) «Ав» и «У-у».

Могли и оклеветать ни за что ни про что. Вот вам пример. Однажды сижу под столом, смотрю, на пол рыбка вяленая падает. Симпатичная такая, аппетитная, полупрозрачная. А я голодный как... с ума сойти: чуть не ляпнул «как собака». Вот видите, сколько у людей всяких обидных собачьих присказок. Ну да ладно. В общем, сижу голодный-преголодный – Полина Фотеевна забыла меня утром покормить, торопилась в свою пивнушку. А тут словно с неба на голову мне рыба свалилась. Но даже в этом случае я не накинулся на рыбёшку и не слопал её. Впрочем, у меня даже и в мыслях такого не было. Я ведь свою работу знаю. Аккуратно поднимаю этот съедобный предмет, выбираюсь из-под стола и отдаю своей бабушке. В этот момент один из собутельников как заорёт на всё заведение:

– Е-моё! Ты что, сволочь, делаешь?

Я сначала и не понял, что это он на меня так кричит. А тот не унимался:

– Вот скотина! Полька, твоя жи... жи-жи... вотина у меня рыбу с-стырила!

Ничего себе поворотик! Сдалась мне твоя рыба. Сам уронил, я поднял с пола, подал Полине Фотеевне, и меня же ещё в воровстве обвиняет. Во даёт!

– Да ладно тебе, – заступилась за меня Полина Фотеевна, – держи свою вонючую рыбу, не ори. Небось, сам уронил, а пёсик мой поднял. Он же у меня учёный. Всё поднимает и подаёт. Спасибо сказал бы...

– Ничего я не ронял, – продолжал шуметь собутельник, – рыбина у меня в кармане лежала. Это твоя подлая собака тайком её вытащила.

Я не выдержал такого позора и громко гавкнул. Мужчина испугался и, резко отшатнувшись назад, перешёл на визг:

– Видишь, Полька, видишь, она у тебя агрессивная стала! На людей уже кидается. Её нужно вритина... витрнтира... ну, в общем, собачьему врачу показать.

– Ты сам к врачу сходи, покажись, – съязвила Полина Фотеевна и громко рассмеялась. – Я тебе говорю, что это некрадучая собака. Понял? На, – она протянула ему несчастную рыбину, – жри своего караса.

– Ну уж нет, – мужчина отстранил её руку, – ещё не хватало, чтобы я после собаки ел. Отдай ей теперь, пусть уже, сволочь, доедает...

– Охренел, что ли?! Дай мне! – возмутился другой собутельник, выхватил из рук Полины Фотеевны рыбину и впился в неё зубами, ловко оторвав голову.

Я сглотнул слюну и понял, что мне в этом заведении ничего не светит. Думаю, хорошо бы к вечеру домой добраться, а то ещё неизвестно, сколько голодать придётся.

– Тю, – выпучил глаза «обворованный» пьяница и с удивлением спросил: – Ты что, после собаки будешь есть?

– Буду, – закивал мужчина и радостно добавил: – И уже ем. А что? Это же не какая-то бродячая псина. Трисон – Полькин поводырь. Интеллигентная, можно сказать, собака.

Нет, мне, конечно, приятно выслушивать в свой адрес такие комплименты. Но, признаюсь честно, всё же было бы приятнее закусить «карасиком». Даже вспомнил, как мы с Иваном Савельевичем рыбачили.

– Всё равно, – недовольно буркнул мужчина, – это уж слишком. Вы его ещё за стол посадите и пива ему налейте.

– Ой-ой-ой! – всплеснула руками Полина Фотеевна. – Хватит уже корчить из себя сибарита. Забыл, как наемни его подушечками закусывал. Вы с Пашкой полпакета «Педигри» сожрали. И ничего...

– Сравнила, – обиженно хмыкнул мужчина. – Я же не с одной миски с ним ел.

– Ладно, – махнула рукой моя старушка, – не хочешь – не ешь. Никто тебя не заставляет. А я вот лучше после Трисона поем, чем после некоторых людей.

– Эт ты на кого намекаешь? – возмутился мужчина. – На меня, что ли?

– Почему сразу на тебя? – усмехнулась Полина Фотеевна. – Мало ли отморозков на свете. Успокойся уже...

Вскоре все забыли об инциденте, и, как мне показалось, даже брезгливый выпивоха всё же съел кусочек обронённой рыбки. Вот так всегда. Сначала возмущаются, кричат, пыжятся, а потом за нами, собаками, доедают. Тоже мне, гурманы.

Какой же я был дурак, когда обижался на Сашку за Тришу. Вы знаете, как меня частенько называла Полина Фотеевна? Ни за что не догадаетесь. Мне даже стыдно такое слово произносить. И ведь когда трезвая, называла правильно. А как только рюмку-другую пропустит, у неё словно язык набекрень становился. Говорит мне:

– Трусон, к mine.

Я когда первый раз услышал, вообще не понял, к кому она обращается и чего хочет. Ну вы сами подумайте, что это за команда такая: «К mine»? Сапёр я тебе, что ли, по минным полям бегать. Это ж надо такое ляпнуть. Оказалось, она так «ко мне» говорит. Странная женщина. А что это за имя такое? Трусон... Тьфу, какая пошлость! От слова «трус», что ли? Какой же я трус?! Вы-то знаете, что я отважный пёс. Страшно подумать, но, может, от слова «трус»? Ну это вообще позор полнейший. Чего-чего, а вот такого коверкания своего имени я никак не ожидал. Так что после этого имя Триша мне показалось совершенно безобидным и даже приятным.

Но имя – ещё цветочки. Я ведь помню поговорку Ивана Савельевича: «Хоть горшком называй, только в печь не сажай». Что имя? Главное, я сам его помню. И в школе записано, и в документах моих присутствует. Никто не перепутает и не забудет. А с подвыпившего человека что взять? Бог с ним, с этим Трусонем. Кем я только в жизни уже ни был, даже Рексом однажды побывал. Помните? Не облез же.

Но там другая беда была. Дело не в имени, дело в моём образе жизни. Если уж говорить честно, то я превратился в самого настоящего бомжа. Только не подумайте, что в том была моя вина. Нет, конечно. От меня там мало чего зависело.

Первую неделю к Полине Фотеевне приезжал контролёр-инструктор, смотрел, проверял, обучал, подсказывал. Мы вместе изучили несколько маршрутов: магазин, аптека, больница, ближайший сквер и всё такое. Старушка вела себя совершенно иначе, чем потом, когда её оставили в покое – и покормит, и почешет. Правда, вычёсывала и купала редко, но всё же было

терпимо. А что потом? Э-э-э! Как вспомню, так вздрогну. Да я по несколько суток дома не ночевал. Подопечная моя где только ни бродила и где только ни спала.

Она могла просидеть целый день в пивнушке, а вечером рядом с ней же упасть в траву и уснуть. А я сижу всю ночь, сторожу её. Куда я денусь? Положу голову ей на ногу, чтобы никуда не сбежала, и дремлю. Иногда даже самому было противно на себя смотреть. Как-то увидел своё отражение в витрине магазина, чуть со стыда с лап не рухнул. Если бы не шлейка и красный крест на ней, точно приняли бы за бродячую дворнягу.

Хотя, по правде говоря, и дома было не лучше – вечно спал в провонявшей алкогольными парами квартире. А какое мучение, когда с меня забывали снять шлейку. У вас когда-нибудь чесалась, например, лопатка, а вы не могли рукой достать? Волей-неволей акробатом станешь.

Вот такая у меня была жизнь. А вы говорите «жизнь собачья».

Глава 3

Хотите, открою вам один секрет? По роду своей службы мне приходится сталкиваться с огромным количеством людей: в общественном транспорте, магазинах, аптеках, парках, просто на прогулке. Знаете, как я определяю, хороший человек передо мной или нет? Смотрю на него и думаю: вот получился бы из этого господина поводырь? Если вижу, что да, значит, человек неплохой. У нас в школе среди щенят идёт колоссальная выбраковка. Порода породой, родословная родословной, однако не все щенки, даже от одной матери, могут претендовать в будущем на роль собаки-поводыря. Вот так-то!

Ясное дело, у людей такой выбраковки не бывает. Для вас это было бы ужасным оскорблением. Но мне кажется, именно поэтому частенько тачают сапоги пироженники, а пироги пекут сапожники. У нас такого нет. Положено тебе работать охранником, не лезь в поводыри, а то заведёшь куда-нибудь человека, выкарабкивайся потом. Только вы не обижайтесь на меня. Хорошо? Возможно, я заблуждаюсь. Рассуждаю ведь по-собачьи. Может, это как раз тот случай, когда можно смело сказать обо мне: несёт чушь собачью. Ну да ладно, не обижусь. Я ваших университетов не оканчивал. Приходится до всего самому доходить. Могу и ошибиться.

С вашего позволения, буду и Кривошеевых вспоминать, потому как, если рассказывать только о моей жизни у Полины Фотеевны, будет слишком тоскливо. Так что вернёмся к Аннушке. Вам же, наверное, хочется узнать подробности? Расскажу и о ней, и о её горе – Аннушка ведь только лет в тридцать восемь ослепла. А до этого, говорят, была светской львицей. Правда, она и будучи слепой иногда ходила на всякие вечеринки, тусовки, как Машка говорила, но меня туда никогда не брали – ей там Константин Александрович помогал. Но, знаете, я не обижался. Да и за Машкой нужно было кому-то присматривать. Чего мне там делать, на приёмах и фуршетах? Мои были ещё впереди – с Полиной Фотеевной так нафуршетился, на всю жизнь запомнилось.

Ещё в самом начале моей трудовой деятельности в писательском доме слышал, как кто-то предлагал Анне Игоревне по громкой связи, чтобы и меня прихватила. Но она не согласилась. Сказала:

– Что вы, что вы, всех ваших гостей распугает.

Признаюсь, я тогда, конечно, немного обиделся. Тоже мне, думаю, нашла пугало. Я ведь к людям привыкший. Что я их там за ноги, что ли, буду хватать или в тарелки лезть? Я собака воспитанная и спокойная. Если подопечная с кем-то общается, я тут же заваливаюсь у её ног и дремлю, сил набираюсь. Время от времени приоткрою один глаз, оценю обстановку и дальше спать. И ухо иногда поднимаю.

Но со временем я понял, что имела в виду Анна Игоревна. Тут вот в чём проблема. Многие люди никогда в глаза не видели собак-поводырей. Так, где-то что-то слышали краем уха. А когда сталкиваются с нами нос к носу, недоумевают: дескать, солидные люди собрались, дорогие платья, туфли из крокодиловой кожи, а тут слепой с кобелём припёрся. Чего уж греха таить – у нас в стране так. Я однажды по телевизору смотрел передачу. Там на какой-то съезд в европейском городе съехались со всего мира люди. Знаете, что меня удивило? Среди делегатов были слепые с собаками-поводырями. И никто не возмущался, не глазел на необычных гостей, как будто так и надо.

Скажите честно, а вы можете представить в нашем, допустим, парламенте человека с собакой-поводырём? Я лично нет. Если и разрешат прийти, наверное, бумажки да всякие справки будешь полгода собирать. Всё-таки у нас в стране собака-поводырь ещё в диковинку. Мало нас. Очень мало. Да пусть бы нас здесь вообще не было, если бы люди все были зрячими. В том-то и беда, что слепых много, а собак-поводырей мало. Не могу понять и другого

– неужели у вас среди слепых людей нет ни одного, кто мог бы в человеческой Думе думать вместе с другим думцами?

Однажды слышал по радио, что духовно-нравственное здоровье всей нации измеряется отношением к детям и инвалидам. Ну, детям, понятное дело, в парламент рано ещё, а инвалидам? Ав-ав! Кстати, писателя Хорхе Луиса Борхеса, когда тот ослеп, приняли на работу директором библиотеки. Интересно, у нас в стране много слепых директоров?

Продолжу.

При мне Анне Игоревне исполнилось сорок два года. Если бы я точно не знал её возраста, ни за что не поверил бы. К нам в гости из Питера частенько приезжала Аннушкина подружка, Вика. Я даже её фамилию запомнил. Может быть, и не узнал бы никогда, но Константин Александрович почему-то всегда объявлял: «К нам Вика Березовская едет!» На самом деле она не просто подруга, а Машкина крёстная мама. Красивая такая девушка, обаятельная и всегда улыбается – наверное, очень счастливая. Нравятся мне улыбающиеся люди. Жаль, что у нас, собак, нет такой способности.

Помните, я рассказывал вам, как пробовал произнести несколько человеческих слов? Гиблое дело. Так вот после этого я как-то тайком пытался поэкспериментировать с улыбкой. Думаю, раз уж слова произнести не удаётся, так хоть попробую поулыбаться. И давай перед зеркалом морду корчить: и так и сяк – ничего не получается. Едва челюсть не сломал. Смотрю на себя и сам себе команду: улыбнись! Что только ни делал – и язык высовывал, и пасть раскрывал, как обезумевший крокодил, и нос морщил, и глаза таращил, даже ушами хлопал. Я едва челюсть себе не вывихнул, стараясь изобразить улыбку. Нет. Все равно получался какой-то урод и агрессивный монстр, хоть тресни! В какой-то момент даже забеспокоился: чего доброго, увидят люди, что подумают? С такими улыбками к ветеринару потащат. Наколют всякой гадости, лежи потом на диване улыбайся. В общем, забросил я это дело. Если не суждено улыбаться, что поделаешь, ходи с кислой миной.

Ну так вот, Викуся (как называет её Анна Игоревна) погладила её руку и вдруг спросила:

– Анюта, открой секрет: как тебе в сорок два года удаётся красоту сохранять?

– Ой, Вика, не успокаивай ты меня. Какая тут красота на пятом десятке...

– Не скажи, не скажи, – улыбнулась Вика, – тебе и тридцатилетние могут позавидовать. Лучше бы она эту тему не затрагивала. Аннушка тяжело вздохнула и говорит:

– Даже если так, кому она теперь нужна? Себя я всё равно не вижу. На люди выхожу всё реже и реже. Остаётся ждать старости да смертушки.

– Да что ж ты такое говоришь, Анна, – выдохнула Виктория, – в сорок два года о смерти думать. Ты что, подружка?

– Да все мы там когда-то будем.

– Будем-то будем, – успокоила её Вика, – только зачем раньше сроку в гроб ложиться?

– Не знаю я, Викуся. Это одному Богу известно. Думала ли я раньше, что в таком возрасте инвалидом стану, да ещё по зрению? А оно видишь, как вышло.

– Поменьше бы ты переживала, Ань. Ты себя береги. Может, всё ещё наладится. У тебя прекрасный муж. Мы тебя в беде не оставим. Не о смерти нужно думать, тебе вон ещё Машку поднимать. Ты уж держись, подружка. Ну кто знал, что такое случится.

– Ладно, – перебила её Анна Игоревна, – и впрямь, чего-то мы тему выбрали мрачную. Пойдём чаем тебя необычным угощу. Свёкр недавно гостил, привёз откуда-то издалека...

В тот злополучный день, когда Анна Игоревна ослепла, она с мужем и дочерью отправилась к знакомому на день рождения. Их друг жил на четвёртом этаже. Гуляли весело, гостей было немного – собрались только свои. По словам хозяина квартиры, у них за стеной жили неблагополучные соседи. Вечно у них там что-то случалось – то воду забудут закрыть, то пожар устроят, то гремят до утра. Что с ними только не делали. Участковый побеседует, два-три дня поживут спокойно, и снова всё начинается.

Друзья Кривошеевых даже собирались в другой микрорайон переехать. Но не успели. В тот вечер в квартире соседей взорвался газ. Как потом выяснилось, их самих не было дома. Уйдя из квартиры, они забыли перекрыть колонку. Взрыв был такой силы, что квартиру именинника разнесло в клочья. Один из гостей погиб, остальных ранило. Маша чудом не пострадала – она в момент взрыва находилась в дальней комнате, но перепугалась страшно – первые две недели даже не разговаривала. Константин Александрович с переломами провалялся несколько месяцев в больнице. А Аннушка навсегда лишилась зрения.

Не знаю, как сейчас живут те люди, из-за которых случилась страшная беда, но от такого греха, им, видимо, уже никогда не отмыться. Анна Игоревна поначалу даже хотела руки на себя наложить, но сердобольные друзья и родственники постепенно вернули её к жизни.

Внезапно ослепший человек вначале считает, что это конец жизни, что дальше жить просто нет смысла. Но постепенно свыкается со своим недугом, привыкает к новому состоянию и начинает думать больше не о себе, а своих близких, о своём предназначении. Слышал однажды, как Аннушка беседовала с подругой.

– Смирилась я уже, Викуся, – тихо сказала она, – что теперь уже поделаешь. Видимо, Бог взял такую плату за жизнь моих Машеньки и Кости. Лучше пусть я буду слепой, чем хоронить своих близких. Да и приноровилась уже. Работаю, пишу...

– Ты у нас умница, – подбодрила Вика. – И мы тебя любим, в беде не бросим.

– Это и придаёт силы, – улыбнулась Аннушка, – с вами никакие беды не страшны. Ты знаешь, Вик, а я ведь во сне вижу. Да, хожу по лесу, играю в волейбол, иногда даже машину вожу. Недавно приснился сон: сижу в кинотеатре. Смотрю на экран, а сама думаю: господи, да как же я всё это вижу? Я ведь совсем слепая. А мне с экрана какой-то доктор отвечает: «Вылечили мы вас, Анна Игоревна». Я не верю. Закрывает глаза руками и кричу: «Нет, нет, нет, это сон!», а доктор настаивает: «Да никакой не сон». А я ему всё равно не верю. И знаешь, что меня больше всего поразило в этом сне. Я хоть лицо и закрывала руками, всё равно продолжала видеть. Проснулась, долго соображала, к чему всё это?..

– Да, необычный сон, – подтвердила Виктория.

– Ты знаешь, Викусь, – продолжила Анна Игоревна, – я иногда думаю, что зрение для человека не так уж и важно. Главное – любить жизнь. А видеть можно и сердцем. Я часто вспоминаю великих людей, Гомера, например, Лосева, Островского, Борхеса – слепых математиков, философов, писателей, музыкантов, скульпторов... Сейчас многие уже и не вспомнят об их недугах. Но зато по сей день вспоминают их работы, силу духа, талант. Возьми того же Брайля, шрифтом которого мы по сей день пользуемся. Он ведь ещё в детстве ослеп, а какое великое дело сотворил! Нет, падать духом нельзя. Нужно жить и творить. Тем более у меня сейчас есть для этого все условия. Так что переживём, подруга, всё будет хорошо.

Правильно, Анна Игоревна, как говорил мой Иван Савельевич, слепота – это не конец жизни, а начало новой, неизведанной. Прав был старик. Сдаваться никогда нельзя.

Глава 4

Вспомнился один случай в супермаркете. Ох уж эти супермаркеты! Не везёт мне с ними. Нас с Полиной Фотеевной поначалу не пускали туда. Вспоминая случай с моим путешествием в багажнике, я мысленно умолял подопечную не соглашаться с охраной и не оставлять меня одного на улице. Но зря волновался – моя старушенция оказалась боевитой и настырной женщиной. Куда она только ни обращалась, но своего добилась. Охранник на пороге кисло улыбался нам, но в магазин впускал. А куда денешься – начальство приказало.

Я сначала думал, и чего она с ними воюет, ну не пускают, да и бог с ними. У нас же рядом с домом есть небольшой магазинчик, там всё то же самое продают, что и в супермаркете. Так нет же – подавай ей магазинище, и всё тут. А когда понял, в чём дело, опешил.

Вошли мы с ней в торговый зал, ходим между разными полками, она щупает, что где лежит. Сделали пару кругов, и вдруг слышу, Полина Фотеевна мне шепчет:

– На, дружок, угощайся! – и тычет мне в лицо куском сыра.

Я даже смутился, хотя слюной чуть не поперхнулся – пахнет вкусно. А она продолжает:

– Ну, ты чего, барбос, зажрался, что ли? Не голодный? Чего рыло воротишь? Дают – бери, бьют – беги. Ешь, собака, пока угощаю.

И что мне оставалось делать? Закусил я сырком, а Полина Фотеевна мне уже десерт приготовила, пряничком угощает. Мягонький такой, душистый, сладкий. В общем, полакомился я в тот день на славу. Старушка моя купила, наверное для виду, бутылку молока, буханку хлеба, и мы отправились домой.

– Ну как? – спросила она у меня по дороге. – Вкусно?

– Ав! – ответил я. Вы же помните, что это означает «Да».

Полина Фотеевна с первого дня нашего знакомства догадалась, что значит моё «Ав».

– Ну и молодчина, – засмеялась она. – Не обеднеют буржуи. Подумаешь, кусочек сыра да пару пряников съели у них. Ничего страшного. Не бойся, Трисон, с голоду не пропадём.

Иду и думаю, к чему это она? Корм, что ли, дома закончился? Так она решила меня в супермаркете теперь кормить? Ох, не нравится мне всё это. Это что же я, из поводыря в вора превращаюсь? Хотя какой я вор? Я ведь без разрешения ни кусочка никогда в жизни не возьму, хоть с голоду буду умирать. Какой с меня спрос? Я обязан подчиняться людям, выполнять их команды. Наверное, ищу себе оправдание. Всё равно как-то неудобно и стыдно.

В общем, так мы совершили несколько набегов на супермаркет. И всё сходило нам с рук. Однажды я даже поймал себя на мысли, что это моя месть магазинщикам за то, что тогда нас с Сашкой не пустили в супермаркет. Сколько я тогда помыкался! Ещё повезло – всё хорошо закончилось, а ведь могло быть и хуже. Продали бы меня бандиты какому-нибудь негодяю, а тот посадил бы меня на цепь, и сиди у будки по сей день. Ой, как страшно!

– Вставай, лежебока, – сказала как-то утром Полина Фотеевна, – пошли за добычей.

Хм, лежебока. А что мне делать? Скакать по квартире? Смотрю и недоумеваю: старушка укутала мне спину махровым полотенцем. Чего это она задумала? Ой не к добру. Ой не к добру! Поверх полотенца надела шлейку и скомандовала:

– В супермаркет! Да поживее!

Куда поживее? Я-то могу такую скорость набрать, что и не угонишься. Но тебя же берегу, Полина Фотеевна. Вот что меня очень сильно обижало, так то, что она каждый раз, отдав команду, ещё и пинала меня ногой под зад. Ну к чему такое обращение? Я что, без пинка не слушаюсь, что ли? Не скажу, что больно, но обидно! Вот вы как отнеслись бы к человеку, который говорит вам «Пошли» и тут же ногой по заднице? И вот со всем этим мне пришлось смириться. Дорогие люди, пожалуйста, не пинайте своих питомцев. Знайте: нам очень обидно.

Но то, что случилось дальше, уму непостижимо – даже собачьему. Уже на пороге в магазин Полина Фотеевна вдруг объявила охране:

– Вот дура старая! Старая да слепая. Представляете, собачку поранила. Наливала кипяток себе в чашку и уронила чайник, да прямо на спинку своей собачке. Так жалко, так жалко псинку. Бедненькая моя, – гладит меня по голове, а сама причитает: – Потерпи, голубчик, я же не нарочно, прости меня, дорогой...

Я со стыда чуть не разгавкался. Это же надо такое придумать! И главное, зачем ей это? Чтобы нас пожалели и посочувствовали? Нет, друзья. Тут фантазия бойкой старушки пошла гораздо дальше. Как обычно, сделав пару кругов по супермаркету, позавтракав сыром и печеньем, мы подошли к стенду с колбасными изделиями. Если бы я не знал, что Полина Фотеевна слепая, никогда бы не поверил. Она так ловко упрятала мне под полотенце несколько упаковок колбасной нарезки, что и зрячий такой трюк не смог бы повторить. Потом, как обычно, взяла с собой бутылку молока, хлеба и направилась к кассе.

Стою, а у самого лапы подкашиваются. Рассчитались, идём к выходу. И вот тут начались приключения.

– Гражданочка, погодите! – окликнул нас охранник.

– Чего надо? – продолжая идти вперёд, недовольно спросила Полина Фотеевна.

– Остановитесь, пожалуйста, – охранник взял её под руку, – нам нужно проверить вашу собаку.

– Убери руки, кретин! – вдруг закричала старушка. – Я милицию сейчас позову!

– Не волнуйтесь, мадам, – усмехнулся тот, перегораживая нам дорогу, – милицию мы уже вызвали.

«Вот и приехали, – подумал я, – дожили».

И тут слышу, Полина Фотеевна скомандовала:

– Трисон, фас! Убери с дороги этого балбеса.

Извините, Полина Фотеевна, но это команда не для меня. Не могу я её исполнить. Вот поверь, дорогая моя старушка, не могу. Во-первых, нас этому не обучали, во-вторых, я же не охранник-телохранитель. А она всё не успокаивалась:

– Кому сказала? Фас его! Защищай меня, собака!

Ну я, чтоб уж совсем не казаться беспомощным, гавкнул пару раз для остротки. На что охранник улыбнулся и сказал так нагло мне:

– Какая бесстыжая собака! Обворовала магазин и ещё рывкает тут. Щас как дам ногой по морде!

Ну скажите, дорогие мои друзья. Вот это разве не «чушь собачья»? Кто обворовал магазин? Я?! Вы ещё скажите, что я, мол, сволочь, нарочно укутался в полотенце и пришёл за добычей. Эх, люди-люди. Как же вы бываете несправедливы к нам, собакам. Я от обиды даже заскулил...

К тому времени приехала милиция, или, как теперь её называют, полиция. Сразу двое. Видимо, один для меня, другой – для старушки. Один из них, усатый и постарше, став на колено, сунул руку под моё полотенце и вынул оттуда три упаковки колбасной нарезки.

Внимание! Сейчас прозвучит ещё одна чушь, но уже чисто человеческая. Такое придумать могу только люди. Он поднялся и, громко рассмеявшись, сказал мне:

– Так ты, братец, оказывается, никакой не поводырь, а обыкновенный воришка? Поехали к нам в отделение. Оформим протокол, хозяйку твою в тюрьму посадим, а тебя усыпим.

Верите, я чуть не сгорел со стыда. Нет-нет, нисколько не испугался. Чем жить на свете с такой репутацией, лучше уж и впрямь пусть усыпят. Только вот обидно. Какой же с меня вор? Я что, должен ещё лекции о нравственности читать своей старушке?

– Ты чего несёшь? – вмешалась Полина Фотеевна. – Какая, нафиг, тюрьма? Что вы от нас хотите?

– Успокойтесь, гражданка, – сказал второй полицейский, который помоложе. – Вы подозреваетесь в краже. Пройдёте.

– Какая кража? – вскричала Полина Фотеевна. – Вы что такое говорите?

– Тише-тише, бабушка, – успокоил он её. – Разберёмся. Не шумите. Кто собаке под полотенце засунул колбасу?

– А я откуда знаю? – ответила вопросом на вопрос Полина Фотеевна. – Какая колбаса? Первый раз слышу. Может, кто пошутил, разыграл нас?

– А вот мы сейчас отпечатки пальцев снимем с упаковки и скажем вам, кто тут шутит, а кто говорит серьёзно.

Смотрю, старушка моя стушевалась. Видимо, поняла, что дело плохо. Мы молча прошли к полицейскому автомобилю и под конвоем отправились в отделение.

Меня сразу по приезде закрыли в какой-то чулан с вёдрами, швабрами, тазами и тряпками. Темно и сыро. Лучше бы в обезьянник посадили, там хоть с людьми можно пообщаться. Слышу, Полина Фотеевна плачет:

– Да я просто забыла на кассе сказать об этой колбасе. Понимаете?

– Врёт бабуля, – сказал приехавший сюда же охранник магазина. – Она заранее всё готовила, а на входе мне по ушам ездила, мол, полотенце на собаке из-за того, что дома случайно ошпарила её кипятком. Это была спланированная кража. Давайте проверим собаку. Я уверен, она здорова как бык.

Сам ты бычок племенной, думаю. Ну, поймали старуху, напугали до смерти и хватит. Поговорите, проведите профилактическую беседу да отпустите уже нас с богом.

Дежурный полицейский оказался явно умнее охранника. По-моему, где-то я его видел.

– Ладно. Идите гражданин, работайте. Понадобитесь, мы вас вызовем.

После того как охранник ушёл, полицейский, как выяснилось, знакомый, подсел поближе к Полине Фотеевне и сказал:

– Ну что ты, Фотеевна? Колбаски захотелось? Нафига ты у них крадёшь? Знаешь, где я живу, приди ко мне, я всегда помогу. Не связывайся ты с ними. Они же за кусок колбасы и голову тебя открутят, не посмотрят, что слепая. Оно тебе нужно, Фотеевна?

– Да не хотела я у них ничего красть, – всхлипывая, махнула рукой старушка, – случайно получилось. Забыла я на кассе пробить... Что теперь будет?

– Да что будет, мать? – Полицейский погладил её по голове. – Не забывай оплачивать, забирай своего Трисона, да иди домой. На вот, – он сунул в руку старухе несколько денежных купюр, – зайди в наш магазинчик, купи ты этой, будь она неладна, колбасы, если хочется.

Точно, это же наш сосед. По-моему, из третьего подъезда. А я думаю, чего такое лицо знакомое.

– Спасибо, Сень, – улыбнулась перепуганная старушка и смахнула слезу. – Дай бог тебе здоровья! Ладно, не буду больше... Ой, Сенька, повзрослел ты уже совсем.

Полина Фотеевна погладила его по лицу.

– Что поделаешь, Фотеевна, мы тоже стареем. Сына вон уже в армию проводил.

– Да ты что? – всплеснула она руками. – Только ж вроде из роддома забрали. Ой, времечко, времечко...

– Фотеевна, у меня к тебе просьба, – неожиданно сменил тему он, – ты бы это... завязала с выпивкой.

– А что делать, Сёмка? – тяжело вздохнула Полина Фотеевна. – Порой и жить не хочется, а рюмочку-другую пропустишь, смотришь, и настроение поднялось...

– Ерунда всё это, – перебил полицейский, – хочешь, я тебе проигрыватель куплю, будешь аудиокниги слушать. Прикольная вещь. Я в машине постоянно слушаю. Тебе понравится, Фотеевна, честное слово. Хочешь?

– Ну а чего? – хмыкнула старушка. – Если не жалко, купи. Раньше у меня радио было, сейчас не работает, а по телевизору слушать нечего.

– Да ладно тебе, – он погладил Полину Фотеевну по руке, – копейки. Не пообедем...

Раздался звонок, полицейский рванул к телефону, на ходу кому-то крикнув:

– Собаку выпустите, проводите их! – И, обращаясь к Полине Фотеевне, добавил: – Завтра после обеда зайду в гости, не уходи никуда.

Через полчаса мы с Полиной Фотеевной пили чай с пирожными. Я на всякий случай держался поодаль – бережёного бог бережёт, наслушался про всякие чайники и кипятки.

Глава 5

Справедливости ради скажу: и в писательском доме тоже однажды у меня случилась «катастрофа». Да-да, так всегда. Лежишь, балдеешь и никогда не знаешь, что с тобой случится через пять-десять минут. Не зря говорят: затишье бывает перед бурей.

А беда подкралась незаметно. Теперь, если меня отправят из поводырей на пенсию, попрошусь спасателем в МЧС. Ну, может, инструктором – буду юных щенков консультировать и натаскивать. Вы даже представить не можете, что со мной приключилось в тот день. И смех и грех.

Лежу себе, размышляю. Вдруг слышу, наша Кисуля кричит. Да-да, именно кричит, потому как мяукает она совершенно иначе. Люди, конечно, могут и не отличить мяуканье от кошачьего крика, но я в этом разбираюсь хорошо. Если вы, например, слышите вой собаки, это может быть и криком. Главное – внимательно прислушаться. Так вот. Чую, случилось что-то невероятное.

– Помогите, – вопила Кисуля, – помогите, люди! Снимите меня! Мя-яу-у-у! Мя-яу-у-у!

Ничего себе! Я резко приподнялся, выглянул в окно – смотрю, эта дурочка залезла на самую верхушку дерева, вцепилась в тонюсенькую ветку и качается. Я чуть в обморок не упал – если она оттуда навернётся, костей не соберёт. Хоть и говорят, что кошки умеют планировать, но какой из нашей Кисули дельтаплан? Ой-ой-ой! Нужно спасать её.

«Как тебя туда занесло? Чего ты там забыла?» – мысленно вскрикнул я.

А женщины и ухом не повели. Просто не услышали. Что же делать? Я поднялся на задние лапы, оперся на подоконник и гавкнул во всё горло. Вика от испуга едва со стула не свалилась.

– Трисон! – воскликнула Анна Игоревна. – Ты чего? На улицу хочешь?

– Ав-ав! – ответил, немного понизив голос, а сам пялюсь в окно.

– Успокойся, дружок, – ласково сказала Аннушка, – сейчас мы закончим с Викасей разговор и пойдём погуляем, потерпи немножко.

«Да какие уж тут гулянья, миленькая Анна Игоревна, прислушайся, как твоя Кисуля верещит на дереве. Вставайте, вставайте! Гав-гав! Срочно идёте во двор!»

Видя, что женщины никак не реагируют, я взвыл волком:

– У-у-у-у-у-у-у!

– Господи боже мой, – ахнула Анна Игоревна.

– Он что-то на улице увидел, – тревожно произнесла Вика и подошла к окну.

«Открывай, открывай, скорее, – мысленно умолял я её, – сейчас вы поймёте, чего я тут растягивался!»

И что вы думаете? Нет, я ничего не имею против кошек. Не надо меня обзывать котоненавистником. Но, честное слово, иногда они бывают такими дурами! Извините, но эта... эта... Кис-с-с-суля неожиданно умолкла. Скажите, есть ли мозги у кошек? Вика открыла окно, я как дурак лезу на подоконник, а наша верхолазка словно в рот воды набрала – молчит, и всё тут!

Да что же это такое творится! Кисулечка, родненькая, да мяукни же ты, наконец, пока окно открыто! Почему ты в самый ответственный момент замолчала? Вот глупое животное!

Мольбы мои Кисуля, разумеется, не услышала. А может, просто онемела от страха. Вика посмотрела в окошко и снова наглухо затворила его. И тут наша акробатка снова завопила. Наверное, это и есть закон подлости, о котором так часто говорят люди. Мне ничего не оставалось, как начать скулить и метаться между дверью и окном. В конце концов женщины поняли, что всё это неспроста.

– Пойдём, выйдем на улицу, – предложила Аннушка и добавила: – Вик, позови Костю.

Высочив во двор, я метнулся к дереву и принялся громко лаять.

– Ё-моё! – вскрикнул Константин Александрович, подняв голову вверх и увидев на макушке дерева Кисулю. – Вот это фокус!

– Что такое? – испуганно спросила Аннушка. – Что случилось?

– Спокойно, Аня, спокойно, – дрожащим голосом произнесла Вика, – кошка забралась на дерево, на самую верхушку, а слезть не может.

– Наша Кисуля?

– А то чья же? – сплюнул Константин Александрович. – И чего её туда занесло...

– Вон оно что, – выдохнула Анна Игоревна. – Опасно? Достать-то её можно?

– Попробуем, – ответил он и скомандовал: – Так, дамы, стойте здесь, сейчас я лестницу принесу. А ты Трисон, помолчи, не гавкай, не пугай её, а то свалится.

«Да теперь-то мне зачем гавкать? – фыркнул я. – Вы и сами всё видите. Тут теперь не до этого».

Константин Александрович вернулся с лестницей, приставил её к стволу и попытался на неё взобраться, да не тут-то было. Ствол дерева оказался слишком тонким.

– М-да, – он почесал затылок, – как же быть? Так-так-так...

И снова куда-то убежал. Через минуту приволок простынь и предложил женщинам соорудить из неё что-то наподобие ручного батута.

– Стойте здесь, никуда не отходите, – командовал он, – я попробую сейчас стряхнуть её.

– Ой, – вскрикнула Аннушка, – я боюсь!

– Не бойся, дорогая, – махнул рукой Константин Александрович, словно Аннушка могла видеть его жест. – Стойте на месте и не двигайтесь. Держите покрепче простынь.

Он принялся потихоньку трясти дерево, Вика вцепилась в уголки простыни и зажмурила глаза. Кисуля впилась когтями в ветку и завизжала, словно ей хвост отрывают.

– Боже мой, – прошептала Анна Игоревна. – Ну что там, Вика?

Та открыла глаза и, взглянув на «циркачку», так же шёпотом ответила:

– Пока ничего, она боится.

Следующие десять минут не принесли никакого результата. Константин Александрович вспотел, но Кисулю так и не стряхнул – крепкая «груша» нам досталась. Я стоял в стороне и молча наблюдал за происходящим.

«Интересно, зачем она туда полезла? – думал я. – Наверняка за какой-то птичкой. Видел, как Кисуля не раз изображала из себя охотницу. Крадёт по газону к воробьям, спрячется в траве, ушки прижмёт, дескать, взгляните на меня, я не кошка, а рысь пятнистая. Умора просто! Но птицы всё время оставляли её в дураках. Решила, наверное, на дереве их достать. Вот дурочка! Видимо, увлеклась, воробьи улетели, а доморощенная рысь осталась на макушке. А теперь орёт во всю ивановскую».

Тут подросла ещё одна помощница. Маша. Увидев на макушке Кисулю, она сразу заплакала.

– Это ещё что такое? – нахмурился Константин Александрович. – Чего ты плачешь?

– Папа, а кто её туда затащил? – спросила Маша, вытирая кулаком глаза.

– Ветром занесло, – рассмеялся он.

– Торнадо? – вытаращила мокрые глаза девочка.

– Ага, тайфун, – закивал Константин Александрович. – Вместе с цунами.

– Папа, я серьёзно спрашиваю! – топнула ножкой Маша. – А тебе всё шуточки.

– Мария, – папа подошёл к дочери и взял её за руку, – я предлагаю тебе покинуть смотровую площадку. Иди в дом.

– Почему я должна идти в дом, когда здесь вся семья собралась? – возмущённо воскликнула девочка.

– Хорошо, – согласился Константин Александрович, – тогда не реви. Договорились?

– Да я не реву, папочка! Как ты не понимаешь, слёзы ведь иногда сами появляются.

– Так, всё, стой молча. Я, кажется, придумал...

– Молчу-молчу, – закивала Маша. – А вы спасёте Кисулю?

– Спасём! – нарочито бодро ответил Константин Александрович и нахмурил брови. – Только умоляю тебя, Мария, постой молча.

– Рыба! – воскликнула та, явно пародируя маму. Я слышал несколько раз такой возглас из уст Анны Игоревны.

Повисла какая-то нехорошая пауза. Предчувствие меня не подвело.

– Ну что, Трисон? – неожиданно обратился ко мне Константин Александрович. – Наверное, придётся тебе лезть на это дерево...

Вот это что-то новенькое! Извините, товарищи, но я собака-поводырь. В цирке не работал, по лестницам вовек не лазал, на спасателя меня не учили. Что вы от меня хотите?

– Справишься? – спросил Константин Александрович.

Даже не знаю, что ответить. А если я сам оттуда свалюсь? Что будете делать? Нет-нет, я не отказываюсь. Просто размышляю. За свою подопечную я и жизнь готов отдать. Буду защищать её до последнего вздоха. Но как-то не хочется погибнуть из-за какой-то глупой кошки. Может, пожалеете меня?

– Давай, дорогой. – Константин Александрович подвёл меня к лестнице. – Аккуратненько взбирайся, попробуй снять эту идиотку.

Что делать? Так уж я приучен – команды человека выполнять. Тут не поспоришь. Да и не могу я прослыть трусом. Это ж какой позор! Скажут: вот тебе и отважный лабрадор – на лестницу испугался залезть. Нет, надо так надо. Прощайте, если что! Жутко, но породу свою не подведу, не опорочу! Вдохнул я тяжело и полез на эту треклятую лестницу. Не стану кривить душой. Страшно было до ужаса. Лезу, дерево качается, Кисуля орёт. Скажу вам по секрету: у самого лапы дрожат, сердце куда-то в хвост ухнуло, язык вывалился, в горле пересохло.

Всё, думаю, вот и пришёл мой конец, отправили меня на верную гибель.

Преодолев несколько ступенек, я мельком взглянул вниз – дыхание перехватило. В школе я никогда на такую высоту не забирался. Кому там могло взбрести в голову, что я, работая поводырём у слепого человека, буду лазать по лестницам.

Ну, думаю, Кисуля, если всё обойдётся, задам я тебе трёпку, когда хозяев не будет дома. Я тебе устрою и цирк, и дельтаплан – будешь у меня летать по дому как угорелая...

Я даже не заметил, как добрался до середины лестницы. Ещё две-три ступеньки, и можно будет ухватить дурёху за загривок. Но тут самому бы не свалиться. Внизу под нами – растянутая простынь, но она кажется такой далёкой и крошечной, что попасть в неё просто невозможно.

– Давай-давай, Трисончик, – подбодрил меня Константин Александрович, – давай, дорогой, ещё чуть-чуть.

«Да даю-даю, – мысленно рывкнул я, а из пасти вырвалось только жалобное поскуливание, – нашли спасателя...»

Поравнявшись с мордой Кисули, я тихо произнёс:

– У тебя мозги есть? Ты зачем сюда забралась?

– Мяу-мяу, – запищала Кисуля, вся дрожа.

Потянулся к ней, чтобы ухватить за шкурку. И вдруг эта неблагодарное создание природы начало на меня шипеть:

– Ш-ш-ш-ш! Не трогай меня!

– А как я тогда отсюда тебя сниму? – возмутился я. – Ты в своём уме?

– Ш-ш-ш-ш! – повторила Кисуля.

А снизу мне крикнули:

– Хватай её, Трисон, хватай!

– Попробуй только прикоснись ко мне, – пригрозила Кисуля, – я тебе всю морду поцарапаю.

Ну что ты будешь с ней делать. Я чуть не плакал. И кто тебя послал на мою собачью голову...

Меня это стало злить.

– Знаешь что, дорогуша, – прорычал я. – Если ты сейчас не отцепишься от ветки, я её отломаю, и мы вместе рухнем вниз. Будь что будет.

– Трисончик, мяф-мяф, – взмолилась Кисуля, – я боюсь! Я боюсь!

– А ты думаешь, я не боюсь? Но что-то ведь нужно делать. Ты жить собралась на этом дереве? Ну-ка отцепись от ветки, прыгай на меня и крепко держись.

– Не могу! Мя-а-а-ав! Не могу, мне страшно!

В этот момент лестница дёрнулась и крутанулась вокруг хлипкого ствола. Я рефлекторно вцепился зубами в ветку, на которой сидела Кисуля. Ветка громко треснула, и я почувствовал себя космонавтом в невесомости – мы летели вниз. Неожиданно всё моё тело пронзила страшная боль. Сначала подумал, что мне оторвало лапу – так было больно. У меня в глазах всё потемнело. Пришёл я в себя только в доме. Оказывается, перед самым приземлением на рукотворный батут я угодил лапой в рогатину.

Приехавший ветеринар наложил мне какие-то деревяшки, туго обмотал бинтом, сделал болючий-преболючий укол и приказал, чтобы я не двигался. Юморист. Какие тут движения? Уснул мгновенно.

Проснулся от чего-то тёплого. Открываю глаза – не поверите: сидит это чудо рядом со мной и умывает мне лицо. Мурлычет на весь дом, словно у неё праздник какой. Ничего не стал говорить, закрыл глаза и продолжил дремать. Сквозь сон только расслышал:

– Мур-р-р-р-р, пр-р-рости, др-р-р-руг! Спасибо тебе, Тр-р-р-рисончик.

– Ух, подлиза, – проворчал я и снова уснул.

Глава 6

Отбегался. Долго вспоминал мудрёное слово. Как там у вас называется? А, вот: колченогий. Словом, превратился я в колченогого пса. Одно утешало: мои родственники поговаривали, что это ненадолго. Я лишь изредка выходил на улицу, точнее выползал. Если бы вы знали, как же неудобно ходить с деревянной ногой. Сам хромал, а в душе посмеивался над собой: есть рыболовы, есть птицеловы, а я теперь кто? Котолов, выходит. А если быть совсем точным, то кисулелов. Во какое слово придумал. Жаль, произнести не мог.

У Кривошеевых было у меня одно приятное занятие. На целую неделю моим другом стал телевизор. И вот как-то вечером я смотрел передачу о лабрадорах. Вы, конечно, уже читали мой рассказ в первой книге, но кое-что интересенького всё-таки добавлю. Вы же знаете, о своей породе я могу рассказывать бесконечно. Но то, что я услышал в тот день, уму непостижимо. Осторожно! Не упадите от смеха или от испуга. Представляете, до чего договорился ведущий? Я даже ушам своим не поверил. Оказывается, есть версия, что мы, лабрадоры, появились в результате скрещивания ретривера с выдрой. Я так смеялся (со стороны было похоже на поскуливание), что едва вторую ногу не сломал. Вы видели этих выдр? Что-то мне не очень хочется к ним в родичи. Но у историков свои объяснения. Говорят, когда-то давным-давно нашу породу называли «выдровой водяной собакой». И вроде как обликом, расцветкой и повадками мы были очень похожи на выдр.

Не спорю, с водой нас связывает многое. В прошлом наша порода была самой любимой среди ньюфаундлендских и португальских рыбаков. Помните, я рассказывал вам, что люди всегда брали с собой двоих лабрадоров в каждое плавание. Но вы же не станете говорить, что для охраны шхуны. От кого там, в море, охранять рыбаков? От акул, что ли? Нет, мы уже тогда были спасателями, и в случае крушения корабля вытаскивали на сушу специальный трос, по которому люди добирались до берега. Теперь вы понимаете, почему я так отважно полез на эту треклятую лестницу? Потому что я не только мореплаватель, а ещё и спасатель. Имейте это в виду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.